1. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

673. А. И. ДЕНИКИН:

...В 16–17 лет (6–7 классы) наша компания была уже достаточно «сознательной». Читали и обсуждали вкривь и вкось, без последовательности и руководства, социальные проблемы; разбирали по-своему литературные произведения, интересовались четвертым измерением и новейшими изобретениями техники. Только политическими вопросами занимались мало...Но больше всего, страстнее всего занимал нас вопрос религиозный — не вероисповедный, а именно религиозный — о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии наряду с Ренаном[1] и другой «безбожной» литературой... Много лет спустя, когда я учился в Академии Генерального Штаба, на одной из своих лекций профессор психологии А. И. Введенский[2] рассказывал нам:

— Бытие Божие воспринимается, но не доказывается. Когда-то на первом курсе университета слушал я лекции по Богословию. Однажды профессор Богословия в течение целого часа доказывал нам бытие Божие: «во-первых... во-вторых... в-третьих»... Когда вышли мы с товарищем одним из аудитории — человек он был верующий, — говорит он мне с грустью:

— Нет, брат, видимо, Божье дело — табак, если к таким доказательствам прибегать приходится...

...Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

— Человек — существо трех измерений — не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего...

...В мое время в Академии, как и в армии, не видно было интереса к активной политической работе. Мне никогда не приходилось слышать о существовании в Академии политических кружков или об участии слушателей ее в конспиративных организациях[3]. Задолго до нашего выпуска, еще в дни дела Рыкачева[4], тогдашний начальник Академии, генерал Драгомиров, беседуя по этому поводу с академистами, сказал им:

— Я с вами говорю, как с людьми, обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие-угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить своему царю и его врагам.

Этой традиции, без сомнения, придерживались и позднейшие поколения академистов...

Некоторые академические курсы, серьезное чтение, общение с петербургской интеллигенцией разных толков значительно расширили мой кругозор. Познакомился я случайно и с подпольными изданиями, носившими почему-то условное название «литературы», главным образом пропагандными, на которых воспитывались широкие круги нашей университетской молодежи. Сколько искреннего чувства, подлинного горения влагала молодежь в ту свою работу!.. И сколько молодых жизней, многообещающих талантов исковеркало подполье!

Приходят однажды ко мне две знакомые курсистки и в большом волнении говорят:

— Ради Бога, помогите! У нас ожидается обыск. Нельзя ли спрятать у вас на несколько дней «литературу»?..

— Извольте, но с условием, что я лично все пересмотрю.

— Пожалуйста!

В тот же вечер они притащили ко мне три объемистых чемодана. Я познакомился с этой нежизненной, начетнической «литературой», которая составляла во многих случаях духовную пищу передовой молодежи. Думаю, что теперь дожившим до наших дней составителям и распространителям ее было бы даже неловко перечитать ее. Лозунг — разрушение, ничего созидательного, и злоба, ненависть — без конца. Тогдашняя власть давала достаточно поводов для ее обличения и осуждения, но «литература» оперировала часто и заведомой неправдой. В рабочем и крестьянском вопросе — демагогия, игра на низменных страстях, без учета государственных интересов. В области военной — непонимание существа армии, как государственно-охранительного начала, удивительное незнание ее быта и взаимоотношений. Да что говорить про анонимные воз-

звания, когда бывший офицер, автор «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира», яснополянский философ Лев Толстой сам писал брошюры[5], призывавшие армию к бунту и поучавшие: «Офицеры — убийцы... Правительства со своими податями, с солдатами, острогами, виселицами и обманщиками-жрецами — суть величайшие враги христианства».

Такое же отрицательное впечатление производило на меня позже чтение нелегальных журналов, издававшихся за границей и проникавших в Россию: «Освобождение» Струве[6] — органа, который имел целью борьбу за конституцию, но участвовал в подготовке первой революции (1905 года); «Красного Знамени» Амфитеатрова[7], в особенности — за его грубейшую демагогию. В этом последнем журнале можно было прочесть такое откровение: «Первое, что должна будет сделать победоносная социалистическая революция, это, опираясь на крестьянскую и рабочую массу, объявить и сделать военное сословие упраздненным»...

Какую участь старалась подготовить России «революционная демократия» перед лицом надвигавшейся, вооруженной до зубов пангерманской и пан-азиатской (японской) экспансии? Что же касается «социалистической революции» и «военного сословия», то история уже показала нам, как это бывает...

В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение. Я никогда не сочувствовал ни «народничеству» (преемники его социал-революционеры) — с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму, с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям:

1) Конституционная монархия,
2) Радикальные реформы и
3) Мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии.

674. А. И. ДЕНИКИН:

Восстание в Китае в 1900 году было национальным движением против несправедливости, алчности и жестокости европейцев... Россия поступила неправильно, приняв участие в подавлении вос-

стания, и правительство должен покарать Бог за то, что оно обмануло царя...

...Гнет правящих классов Китая остановил на тысячелетия нормальный ход цивилизации Средней империи.

675. А. И. ДЕНИКИН:

...Думские речи (боевые) читаю в литографированных оттисках...

Какие же нравственные силы будет черпать армия в этой разрухе? Нужен подъем. Уверенность... На родине стало из рук вон худо. Своеручно рубят сук, на котором сидят испокон века...

676. А. И. ДЕНИКИН:

В течение долгих, долгих месяцев я веду по мере сил борьбу за спасение России. В последнее время во главе Добровольческой армии. Прямо, открыто и никогда не отступая от единственной, не допускающей разнотолков, цели — Единая, Великая, Неделимая Россия. Все остальное, включая и образ правления — для меня сейчас вопросы второстепенные — способы, формы, но отнюдь не самодовлеющая цель...Теперь не время сводить политические счеты, проявлять нетерпимость, разделять силы и средства по «именам» и «платформы». Все силы государственные должны быть использованы для воссоздания Великодержавной России, свободной от власти черни и от германского ига. Потом между собой разберемся...

677. А. И. ДЕНИКИН:

...Ее[1] упрекают в реакционности. Если то обстоятельство, что мы не следуем утопическим социальным теориям, разложившим армию и развалившим страну, называется реакцией, то мы — реакционеры.

Завтра годовщина гибели Генерала Корнилова... Он первый взял в пыльном углу заброшенное туда русское государственное трехцветное знамя и поднял его над Армией. С тех пор вместо трехцветного знамени появилось много маленьких флагов разной формы и цветов. Но, господа, настанет день, и он близок, когда их спрячут и с чувством

неловкости будут вспоминать о них. И придут, и преклонятся перед трехцветным русским знаменем, ибо в нем — сила и мощь, в нем залог новой, светлой и свободной жизни, к которой приобщатся все маленькие народности исторически связанные с судьбами России. За Великую Россию, ура!

678. А. И. ДЕНИКИН:

...Революция провалилась, и теперь возможны только либо эволюция, либо контрреволюция. Я иду путем эволюции.

679. А. И. ДЕНИКИН:

Я знаю, что я исполняю черную работу. Знаю, что сломаю себе шею и заслужу себе только проклятия. Но эту черную работу должен кто-то исполнить...Общее положение тяжелое, почти безнадежное. Но в Мечетинской[1] было хуже. Тогда против кучки Добровольческой армии была армия в 150 000 человек. Мы может быть потеряем Харьков, может будет сдан Киев. Но мы не в безнадежном положении...С такой разрухой в тылу мне остается только пустить пулю в лоб... Но мы еще померимся. Бороться с всеобщей разрухой придется еще лет пять...

680. А. И. ДЕНИКИН:

Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях, присутственных местах и суде — по-малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие, могут быть учреждаемы уроки малорусского народного языка в его классических образцах. В первые годы обучения в национальной школе может быть допущено употребление малорусского языка для облегчения учащимся усвоения первых зачатков знания. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати.

681. А. И. ДЕНИКИН:

Я веду борьбу за Россию, а не за власть... Тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренне высказать свой взгляд на самое больное место нашего символа веры. Счастье Родины я ставлю на первый план. Я работаю над освобождением России. Форма правления — для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду: Я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике — лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или иной формы власти.

682. А. И. ДЕНИКИН:

Я не должен вас уверять ни в любви к евреям, ни во вражде к ним; вообще смешно подходить к этому вопросу с такой точки зрения государственной целесообразности и человечности. По вопросу об отношениях командного состава к евреям я боролся, и впредь буду бороться с этим грустным явлением, но положение таково, что бороться трудно. Только медленно я старался и стараюсь возможно ослабить его остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии. Командный состав на свой страх и риск, по собственному почину, отдавал распоряжения об отправке евреев-офицеров в отдельные батальоны. Я сделал даже замечание генералу Май-Маевскому. Формально он на это не имел права, но внутренне я сознавал, что иначе он поступить не мог. И, в конце концов, я лично отдал приказ об отчислении евреев-офицеров в резерв. Должен отметить, что из Армавира, куда направлены были некоторые евреи-офицеры, приходят уже жалобы и заявления о нежелании иметь их в своей среде. Но это уладится. Другого выхода я не вижу. Это необходимо, прежде всего, во избежание крупных неприятностей для самих евреев, для которых жизнь в офицерской среде была бы нестерпима...

Думаю, что евреи-солдаты легче сживутся в массе прочих простых солдат, и вряд ли в этом отношении можно ожидать больших трений...

...Да, трудно ожидать чего-либо хорошего от людей, совершенно оподлившихся, чрезвычайно павших в моральном смысле. Ведь тот факт, что этот люд попал в армию не по мобилизации, не делает его лучше; это ведь не добровольцы, идейно шедшие в армию, за каждого из которых я мог бы поручиться; это ведь — сброд. Его физиономия станет ясна, если принять во внимание общее падение нравов...[1]

Впрочем, об этих эксцессах мне известно больше, чем вам... Вы должны мне верить, что нами в этом отношении уже многое сделано[2]. Если бы мы не сделали, то было бы нечто страшное...[3]

683. А. И. ДЕНИКИН:

<Пометка на полях частного письма от бывшего председателя военной комиссии Государственной Думы генерал-майор А. С. Потапова[1], в котором тот сообщил, что не хочет участвовать в Гражданской войне, 17 сентября 1919:>

Мерзавец.

684. А. И. ДЕНИКИН:

Никто не вправе бросать мне обвинения в лицеприятии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают и я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят.

685. А. И. ДЕНИКИН:

Насколько я понял, французы желают оказать единственное содействие противобольшевистскому Востоку и Югу России путем поддержания угасающих сил Совдепии. Полагал бы, что продовольствие надо подготовить, но ввозить его совместно с войсками моими и адмирала Колчака[1].